

ГЕРЕЙНТ И ЭНИД

О

днажды на Троицын день король Артур вместе со всем своим двором приехал в Карлеон. И там во время пира появился вдруг в его замке лесник, весь мокрый от росы. Этот лесник рассказал, что не далее как три часа назад повстречал в чаще белого как снег оленя, крупнее которого никогда не видел. И приказал король трубить поутру к охоте, а королеву попросил поехать вместе с ним, ибо Артур без неё тосковал и желал, чтобы Гиньева всегда была рядом. Королева ответила, что поедет с радостью. Однако наутро сон её был так сладок и прекрасен, ибо видела она во сне Ланселота, что Гиньева проспала, а молоденькая служанка не решилась её разбудить. Поэтому король со свитой покинули город без неё.

Солнце было уже высоко, когда Гиньева наконец поднялась и, спешно собравшись, поскакала вместе со служанкой к лесу. Там она перешла реку Уск в том месте, где поток был неглубок и течение спокойно, и, поднявшись

на зелёный холм, остановилась. Королева надеялась услышать лай собак, однако неожиданно услышала стук копыт за спиной. Это приближался к ней принц Герейнт. Он, как и Гиньевра, припозднился и потому не успел облачиться в охотничий костюм, а из оружия имел при себе только меч с богатой золотой рукоятью. Однако его шёлковый наряд был красив и изыскан. Перейдя брод и въехав на холм, Герейнт преклонил перед королевой колени.

— Что-то вы поздно, принц, — с лёгкой укоризной промолвила Гиньевра. — Даже позже нас!

— Грешен, проспал, — улыбнулся Герейнт. — И теперь мне придётся лишь наблюдать за охотой.

— Коли так, — сказала королева, — оставайтесь с нами. Обычно именно сюда собаки гонят дичь.

Пока они прислушивались к отдалённому лаю собак, в котором был ясно различим голос Кавала, Артурова любимца, из леса выехали рыцарь и дама. Их сопровождал неприятного вида карлик. Поднятое забрало рыцаря позволяло видеть лицо, юное и надменное. Королеве оно было незнакомо. Поэтому Гиньевра приказала служанке узнать у карлика, как рыцаря зовут.

Но карлик на вопрос девушки процедил сквозь зубы, что ей это знать ни к чему.

— Тогда я спрошу об этом у него самого, — сказала служанка.

Однако стоило ей направить к рыцарю коня, как злобный карлик стегнул её хлыстом, да так сильно, что девушка даже вскрикнула от боли.

Видя это, Герейнт рванулся к карлику:

— Ну уж мне-то ты откроешь его имя!

— И не подумаю, — прошипел карлик, и его хлыст, описав дугу, оставил кровавый рубец на щеке Герейнта.

В гневе принц схватился за меч: «Убью мерзавца!», но тут же и опустил, ибо, будучи истинным рыцарем, сразу понял, что станет презирать себя, если только коснётся этого червяка. В молчании отступил он от карлика и лишь тогда сказал:

— Королева, обещаю отомстить за оскорбление, которое нанесли вам, унизив вашу служанку. Я узнаю имя рыцаря и заставлю его молить о прощении. И коли не паду я от его руки, ждите меня через три дня.

— Я вас благодарю и желаю вам удачи, — ответила Гиньевра. — А ещё любви. И кто бы ни была ваша будущая невеста, королевская дочь или последняя нищенка, приведите её ко мне. И я так её наряжу и украшу, что она будет сиять на свадьбе, словно солнце на летнем небе!

По холмам и долинам, по лесным просекам и дубовым рощам скакал Герейнт вслед за рыцарем, дамой и карликом, ни на миг не выпуская их из виду. Наконец под самый вечер, когда темнеющее небо окрасилось густым багрянцем, увидел принц, что рыцарь и его спутники, проехав по узким улицам небольшого городка, достигли белой, видно, совсем недавно построенной крепости, и исчезли за её воротами.

«Уж завтра-то я с тобой повидаюсь! — подумал принц. — А теперь было бы неплохо поесть и выспаться».

Однако все гостиницы городка были почему-то переполнены. И вообще Гарет заметил вокруг какое-то необычное мельтешение. Тут и там подковывали лошадей. Чьи-то юные слуги чистили господские доспехи.

Герейнт спросил одного из них:

— Из-за чего вся эта суета?

— Из-за турнира, который завтра устраивает Ястреб, — ответил тот, не прерывая работы.

«Ястреб? Какое странное имя!» — подумал принц.

Вскоре он оказался рядом с кузницей, где оружейник вострил мечи и копья.

«Вот где я куплю себе доспехи!» — решил Герейнт.

Увидев богато одетого человека, оружейник на минуту прервал работу.

— Доспехи? — переспросил он, когда принц сказал, чего хочет. — Нет, лишних доспехов у меня не найдётся. Все разобраны, ведь завтра Ястреб устраивает турнир.

«Опять этот Ястреб! — подумал, уже сердясь, Герейнт. — Интересно, кто он?», а вслух промолвил:

— Коль не можешь продать доспехи, так хотя бы скажи, где тут у вас можно поесть и переночевать?

— Право же, не знаю, — пожал плечами оружейник. — Все дома и гостиницы давно заняты. Ну разве что у графа Иниола, там, за мостом.

А теперь простите. Тот, кто работает на Ястреба, не имеет времени на разговоры.

И оружейник вновь принялся за мечи и копья.

Тогда принц Герейнт поскакал по мосту и вскоре въехал в ворота древнего полуразрушенного замка. Каменные плиты, покрывавшие его двор, были разбиты. Сквозь трещины меж ними буйно лез чертополох.

У входа в замок стоял старый граф. Его прежде роскошный наряд был весь потёрт и истрёпан. Граф спросил рыцаря:

— Что вам угодно, сын мой?

— Я ищу ночлега, — ответил принц.

— Тогда входите и разделите со мной мой скромный ужин. Этот дом хотя и обеднел, но его двери по-прежнему открыты.

— Благодарю вас, — поклонился Герейнт. — Я с утра маковой росинки не имел во рту и с радостью съем что угодно, лишь бы это был не ястреб.

— Ястреб! — усмехнулся граф. — Уверяю вас, моя причина его ненавидеть не меньше вашей. Однако коль вы сами не захотите, мы не помянем его даже в шутку.

Когда принц Герейнт вошёл в замок, там кто-то пел. Песня была столь прекрасна, а голос так чист и нежен, что Герейнт понял — ничего лучше он никогда и нигде не слышал. От этих дивных звуков даже тёмный холодный замок перестал казаться таким уж мрачным.

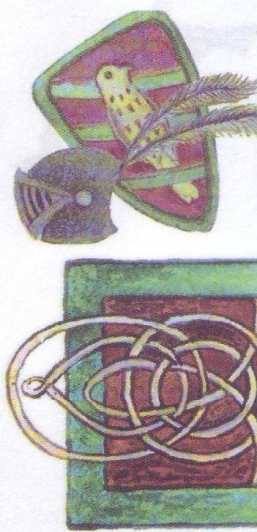
Меж тем граф Иниол ввёл принца в огромный зал с низким закопчённым потолком. Зал этот служил одновременно столовой и кухней. За длинным дубовым столом сидела пожилая дама, жена графа, в поношенном наряде из парчи, а рядом с ней стояла, похожая на золотисто-белый бутон в увядшей зелени, её прелестная дочь в потёртом шёлковом платье.

«Клянусь Всевышним! Вот та, о которой я мечтал всю жизнь!» — подумал Герейнт.

Тут граф Иниол сказал:

— Энид, отведи коня, что стоит у дверей, в конюшню и покорми его зерном. А после сходи в лавку и купи для нас мяса и вина на ужин.

— Я ей помогу, — воскликнул Герейнт, порываясь броситься вслед за Энид.

Но граф успел схватить его за руку:

— Мы теперь бедны, и у нас нет слуг, но чтобы гость прислуживал сам себе? Такого не будет никогда!

Герейнт был человеком учтивым и потому, уважая обычай этого дома, остался.

А Энид поставила коня в стойло, прошла по мосту в город и, пока принц и граф беседовали, успела вернуться назад с полной корзиной, в которой были мясо, вино, пышный белый хлеб и пироги. Затем здесь же, в зале, она приготовила ужин, встала позади сидящих за столом и незаметно принялась им прислуживать.

Герейнт был ею совершенно очарован и в какой-то момент ощутил страстное желание поцеловать её нежную маленькую ручку. А когда отужинал, стал горячим взором следить за тем, как Энид легко и непринуждённо выполняет работу простой служанки. Неожиданно повернувшись к графу, он спросил:

— Кто этот Ястреб, о котором болтает весь город? Уж не тот ли рыцарь из белой крепости? Да? Тогда, прошу вас, не говорите, как его зовут. Я, Герейнт из Девона, поклялся, что своё имя он мне скажет сам!

И Герейнт поведал графу Иниолу обо всём, что с ним приключилось утром.

Граф несказанно обрадовался, услышав, что перед ним принц Герейнт:

— Так вот, значит, кто вы! А я, признаюсь, частенько рассказывал Энид о ваших подвигах и приключениях. И она всегда ужасно расстраивалась, когда я умолкал, и просила рассказать что-нибудь ещё. А насчёт Ястреба... Не называя его имени, скажу лишь, что он — мой племянник. Три года назад он посватался к моей дочке, но я ему отказал. Слишком уж он несдержан и жесток. Меня он за это, конечно, возненавидел и распустил слух, будто я, являясь его опекуном, присвоил себе всё золото, что оставил ему отец. И представьте, люди ему поверили и готовы были разорвать меня на части. Однажды ночью, как раз перед днём рождения Энид, Ястреб поднял против меня весь город, разграбил мой дом, а меня с семьёй выгнал на улицу. Для себя он вскоре выстроил белую крепость, нас же держит здесь, в этих руинах.

— Найдите мне доспехи, — сказал Герейнт, — и я на завтрашнем турнире с ним разделаюсь!

— Доспехи у меня есть, хотя и проржавевшие, — ответил старый граф. — Но, к сожалению, только тот рыцарь, чья дама сердца присутствует на турнире, может быть его участником. Там, на поле, вбиты два шеста, на шесты положен серебряный прут, а на прут посажен ястреб — награда для той, чей рыцарь одержит на турнире победу. Такой турнир проводился уже три раза, и всякий раз побеждал на нём мой племянник, за что он и получил своё прозвище. Однако у вас нет дамы сердца, а значит, вам нельзя участвовать в турнире.

— Дозвольте мне сразиться за вашу прекрасную дочь. Пусть она будет моей дамой сердца. Я полюбил её с того самого мгновения, когда впервые увидел! — воскликнул, сверкнув очами, Герейнт. — И если я не погибну, то буду счастлив стать её верным мужем.

Он оглянулся, надеясь увидеть Энид. Но девы нигде не было видно. Услышав, что говорят о ней, Энид тихонько выскользнула из зала.

А старый граф обрадовался, хоть и понимал, что дочь вскоре покинет отчий дом.

— Наш замок, конечно, опустеет, зато дочь будет счастлива, — сказал он и, взяв улыбающуюся жену за руку, добавил: — А ты, мать, пойди и спроси у Энид, по сердцу ли ей принц?

Жена, кивнув, поспешила к дочке, и та, разумеется, ответила, что по сердцу. А потом всю ночь ей снились рыцарские поединки, и в каждом из них побеждал принц Герейнт.

Утром, когда бескровный восток слегка порозовел от солнца, дева поднялась и, разбудив графиню, пошла с ней на луг, где вскоре должен был начаться турнир.

Туда же явились и старый граф с Герейнтом. Рыцарь был в ржавых доспехах Иниола, но даже в них он выглядел как истинный принц.

Множество рыцарей и дам пришло посмотреть турнир. Казалось, весь городок стёкся к широкому лугу.

Тут из рыцарских рядов выступил вперёд тот, кого прозвали Ястребом, и презрительно бросил в толпу:

— Кто готов выступить против меня?

Он был совершенно уверен, что такого храбреца не найдётся. Но Ястреб ошибся.

— Я готов, — выкрикнул принц Герейнт, — и не только выступить, но и получить награду для самой прекрасной девы на этом поле!

И он указал рукой на Энид, чьё потёртое шёлковое платье лишь подчёркивало её красоту.

Лицо Ястреба вспыхнуло от гнева.

— Что ж, побьёмся! — прорычал он и, выставив вперёд копьё, поскакал навстречу выехавшему на поле Герейнту.

Трижды съезжались они, и трижды ломались их копыта. Тогда рыцари сошли с коней и стали биться на мечах. И так могучи и часты были их удары, что все вокруг дивились, а на дальних стенах без конца гремели рукоплескания. Наконец рыцари остановились перевести дух, а затем вновь вступили в бой. Капли пота, смешанные с кровью, ручьём стекали с их израненных тел, истощая силы. Но ни один не мог победить.

Тут раздался крик старого Иниола:

— Вспомни, принц, как тяжко он оскорбил нашу королеву!

Слова эти так воспламенили Герейнта, что он тотчас обрушил на шлем противника свой меч и разрубил его, задев при этом кость. Ястреб рухнул на землю. А Герейнт, поставив павшему ногу на грудь, спросил:

— Как твоё имя, рыцарь?

— Эдирн, сын Надда, — со стоном ответил тот.

— Ты, Эдирн, должен сделать два дела, — потребовал Герейнт, — а иначе ты умрёшь. Во-первых, ты вместе со своим карликом поскачешь к королеве и попросишь её простить тебя. А во-вторых, вернёшь графу Иниолу его владения и богатства.

— Я всё исполню, — прошептал Эдирн. — Слово рыцаря!

И поскакал он в королевский замок, и королева легко его простила. А потом он остался при дворе и, как случается порою лишь в юности, изменился, возненавидел себя за прошлые свои злодеяния и, вырвавшись наконец из тьмы на свет, погиб за короля в одном из великих сражений с язычниками.

А Герейнт после окончания турнира передал Энид полученную им награду и уже вечером, когда страсти немного улеглись, попросил её стать его женой и отправиться с ним ко двору, дабы предстать пред очи королевы. Энид с радостью согласилась и сказала, что не раздумывая отправится с ним куда угодно.

Но утром, когда Энид проснулась и взглянула на своё выцветшее платье, настроение у девушки сразу испортилось. Ей показалось, что ещё никогда её платье не выглядело таким убогим.

«Ах! — подумала она. — Если бы принц согласился задержаться на денёк-другой, я бы успела соткать себе новый наряд и не осрамила бы его перед двором».

И тут вдруг Энид вспомнила о платье, что подарила ей мать три года назад, в ночь перед днём её рождения, в ту страшную ночь, когда Эдирн, сын Надда, ограбил их дом и лишил их состояния. Платье было шёлковое, расшитое золотыми цветами и листьями. Грабителям оно конечно же приглянулось. Ах, если бы это платье нашлось!

И Энид грустно вздохнула.

Но что это? Дверь словно по волшебству отворилась, и в комнату вошла мать Энид. И в её руках сверкало то самое платье.

— Смотри, дочка, краски его по-прежнему свежи, — сказала она, нежно проводя рукой по шёлку. — Вчера вечером, когда ты заснула, твоему отцу вернули многое из украденного. И представь, среди прочих вещей оказалось и это платье. Ты рада, дочка?

— Конечно! — промолвила Энид, и её глаза засияли счастьем.

Тотчас же она надела любимое платье и взглянула на себя в зеркало. И зеркало её не обмануло. «В этом наряде, — подумала она, — мне не стыдно показаться принцу Герейнту и королеве».

Как бы в подтверждение её мыслей графиня всплеснула руками и стала охать и ахать, и без конца повторять, что ещё никогда Энид не была так хороша.

Вскоре они вышли в зал, где уже сидели, беседуя, граф Иниол и принц Герейнт. Когда старый граф увидел дочь, он так же, как мать, всплеснул руками и, обращаясь к принцу, воскликнул:

— Не правда ли, хороша?

Но лицо принца вдруг почему-то посуровело, и он ответил негромко, но твёрдо:

— Да, хороша. Но я полюбил Энид, когда увидел её в старом платье. Так пусть она в нём и предстанет перед королевой. А уж королева сама оденет её и украсит. Быть по сему!

У Энид сердечко упало при этих словах. Но, любя Герейнта, она сделала всё так, как велел принц: пошла в свои покои, сняла драгоценный подарок и вернулась в зал опять в старом, поношенном платье. И, честное слово, в этот момент не было на свете человека счастливее, чем принц Герейнт.

Утром следующего дня Гиньевра трижды поднималась на башню и глядела вдаль. Что-то подсказывало ей, что принц Герейнт сегодня обязательно вернётся, и не один, а с невестой. Вскоре она увидела вдалеке двух всадников. В одном из них королева и вправду узнала принца Герейнта, а вторым оказалась прекрасная дева в поношенных шелках. Тотчас же Гиньевра спустилась вниз к воротам и обняла Энид как самую близкую подругу.

А потом было всё, как обещал Герейнт. Гиньевра разодела Энид в дорогие наряды и украсила драгоценностями, так что дева засияла, словно солнце на летнем небе. И устроила королева Герейнту и Энид пышную свадьбу. Такую свадьбу, что весь Камелот гулял на ней целую неделю, славя королеву, принца и его прекрасную юную жену.

Несколько месяцев потом Герейнт и Энид оставались при дворе. С каждым днём они всё сильнее любили друг друга. А ещё Герейнт был счастлив оттого, что Гиньевра, всем сердцем привязавшись к Энид, не переставала её одаривать и наряжать, как первую после неё самой красавицу королевства, а Энид, отвечая королеве такой же привязанностью, поклонялась ей как самой лучшей, самой прекрасной женщине на свете.

Но ничто не длится вечно. Однажды до Герейнта дошёл слух о том, что Гиньевра не верна королю Артуру. Принц почему-то сразу же этому поверил. И стало ему страшно, что его кроткая жена за свою любовь к королеве может пострадать или навек себя запятнать. Тогда пошёл Герейнт к королю Артуру и под тем предлогом, что воры, убий-

